

Судебная коммуникация как предмет правового регулирования

Аннотация. Судебная коммуникация оказывает большое влияние на эффективность процессуальных механизмов защиты нарушенных прав, поскольку в основном своем проявлении представляет собой фактическое наполнение процессуального правоотношения. Несмотря на это, судебной коммуникации не уделяется должного внимания на законодательном уровне из-за слабой теоретической проработанности данной проблематики. Вследствие такого подхода не может быть в полной мере реализован потенциал гражданской (арбитражной) процессуальной формы, а в некоторых случаях пренебрежение интересами судебной коммуникации порождает препятствия для реализации права на судебную защиту и влечет нарушение ключевых принципов процесса. Преодоление негативных эффектов возможно прежде всего за счет переосмысления пределов использования в судебном правоприменении классических правовых средств регулирования общественных отношений (норма права, принципы, правосознание, правовая культура).

Ключевые слова: судебная коммуникация, гражданское судопроизводство, правовое регулирование, норма права, фактическая реализация правоотношения, равенство.



Ольга Александровна СУХОРУКОВА,
доцент кафедры
гражданского права
и процесса
юридического факультета
Воронежского
государственного
университета,
кандидат юридических наук
osuhorukova@gmail.com
394018, Россия, г. Воронеж,
пл. Ленина, д. 10а

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.110.10.047-054

Olga A. SUKHORUKOVA,

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,

Faculty of Law,

Voronezh State University

osuhorukova@gmail.com

1, Universitetskaya pl., Voronezh, Russia, 394018

Judicial communication as a object of legal regulation

Abstract. Judicial communication has a great influence on the effectiveness of procedural mechanisms for the protection of violated rights, because in its main manifestation is the actual content of the procedural legal relationship. Despite this, judicial communication does not receive the necessary attention at the legislative level due to the weak theoretical development of this issue. As a consequence of this approach, the full potential of the civil (arbitration) procedural form cannot be implemented, and in some cases neglecting the interests of judicial communication creates obstacles to the right to judicial protection and entails a violation of key principles of the process. Overcoming the negative effects is possible, first of all, by reconsidering the limits of

© Сухорукова О. А., 2023

the use in judicial enforcement of the classical legal means of regulating social relations (the rule of law, principles, legal consciousness, legal culture).

Keywords: *judicial communication, civil litigation, legal regulation, rule of law, actual implementation of a legal relationship, equality.*

Судебная коммуникация все чаще обращает на себя внимание ученых-процессуалистов. И хотя пока это преимущественно связано с попытками осмысления процессуальных изменений периода пандемии и оценки возможностей использования информационных технологий в судопроизводстве, в том числе технологии искусственного интеллекта¹, все же определенное движение в направлении расширения научных взглядов в последнее время просматривается, например, в изучении таких аспектов процесса, как процессуальные соглашения², право быть заслушанным³ и др.

Если десять лет назад исследования судебной коммуникации носили единичный характер, то сейчас интерес к этой теме стремительно растет. Несмотря на это, пока трудно говорить о том, что судебная коммуникация прочно закрепилась в качестве составляющей предмета гражданского процессуального или арбитражного процессуального права. Это по-прежнему довольно «экзотическое» направление исследований. Причины столь тернистого пути кроются, видимо, в самой природе этого явления, которую право в его узкопозитивистском понимании, преобладающем до сих пор во всех наших отраслевых науках, воспринимает как чуждую себе. Очевидно, что пока этот миф не будет публично развенчан научным сообществом, сложно рассчитывать на ощутимый прогресс.

Итак, действительно ли право, в частности процессуальное право, избегает темы правового регулирования судебной коммуникации или это осознанный путь игнорирования? Нуждается ли вообще судебная коммуникация в правовом регулировании или можно обходиться инструментарием иных гуманитарных и социальных наук? И, наконец, возможно ли в принципе использовать правовые механизмы для решения проблем человеческой коммуникации?

Прежде всего необходимо определиться с понятием судебной коммуникации. В свое время автором уже было проведено исследование этого вопроса⁴, в результате которого сформировано представление о судебной коммуникации как о разновидности обычной человеческой коммуникации, обладающей лишь тремя специфическими чертами, а именно: особой сферой распространения (судебный процесс); специфическим субъектным составом (участником судебной

¹ См., например: *Афанасьев С. Ф.* К вопросу о законодательном регулировании искусственного интеллекта // *Российская юстиция.* 2020. № 7. С. 46—49.

² См., например: *Шеменева О. Н.* Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. М.: Инфотропик Медиа, 2017.

³ См., например: *Лукьянова И. Н.* Право быть заслушанным и услышанным в первой и проверочных инстанциях гражданского судопроизводства // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2022. № 9. С. 50—55.

⁴ См.: *Сухорукова О. А.* Эффективность гражданского судопроизводства: коммуникативный аспект. М., 2019. 149 с.

коммуникации может быть только участник судопроизводства) и наличием регулирующего воздействия норм и принципов процессуального права (коммуникация должна осуществляться в соответствии с нормами и принципами процесса и не должна затруднять их реализацию).

С учетом этих особенностей судебную коммуникацию, как и любую другую, можно описывать как процесс создания и интерпретации информационных сообщений, которые вызывают определенную реакцию вследствие того, что эти сообщения (сведения, знания, факты, мнения, размышления и т.п.), имеют некое значение или смысл для коммуникантов.

Таким образом, любая коммуникация, происходящая в связи с рассмотрением дела судом, является судебной коммуникацией, т.е. термин «судебная» в данном случае свидетельствует не о существенных феноменологических признаках такой коммуникации, а лишь о контексте, в котором она развивается. И это первая болезненная для права правда о коммуникации: она есть явление неправовой природы, возникшее задолго до права и независимо от него.

Вторая проблема, вытекающая из предыдущего тезиса, состоит в том, что позитивное право регулирует общественные отношения посредством создания юридических конструкций. В каждом втором учебнике по праву можно найти такое или подобное утверждение: «Правоотношение — это общественное отношение, урегулированное нормой права». По сути, эта урегулированность означает своего рода инициацию, в рамках которой общественное отношение облекается в трехкомпонентную (субъекты, объект, права и обязанности) структуру правоотношения и существует в нем уже только в таком переведенном на язык права формате.

Правоотношение — это что-то вроде голограммы реального общественного отношения, это правовой образ, совместимая с механизмом правового регулирования модель общественного отношения. Очевидным достоинством такого подхода является абстрактность правовой нормы, которая обеспечивает ее универсальную применимость. Однако в нем присутствует и негативный побочный эффект, который проявляется на стадии правоприменения и связан с невозможностью при создании нормы учесть контекст конкретной правоприменительной ситуации. Этот контекст, эти фактические обстоятельства и взаимодействие субъектов права, наполняющие абстрактную конструкцию правоотношения реальным содержанием, и есть коммуникация.

Для законодателя не составляет никакой сложности сформулировать норму права, которая спроецирует новое правоотношение и, соответственно, обогатит правовой статус субъектов новыми правами и обязанностями, т.е. на уровне статистики материального права все будет работать безупречно. Но как с помощью абстрактной нормы права регламентировать фактическую реализацию этих нормативных установлений? Решить эту задачу с помощью нормы права, даже процессуальной, до конца невозможно, потому что коммуникация всегда эксклюзивна. Конечно, коммуникации свойственны некоторые типичные для той или иной ситуации черты, но это сходство никогда не переходит в тождество, а потому, имея возможность замечать некоторые закономерности, скажем, поведения в суде тех или иных групп населения, конечно, можно сформировать более или менее адекватные ожидания у правоприменителя, но они всегда будут вероятностными.



Поскольку правовую, в том числе судебную, коммуникацию нельзя перевести в этот «правочитаемый» формат юридической конструкции, ее полноценное регулирование нормой права (именно нормой, а не вообще правовое регулирование) оказывается невозможным. В этом, очевидно, кроется причина скепсиса относительно возможностей правотворческих средств в плане воздействия на фактическую правоприменительную деятельность и обусловленного этим скепсисом стремления удерживать коммуникацию в ряду не подлежащих правовому регулированию явлений из разряда любви и дружбы, игнорируя при этом конкретные правовые эффекты, возникающие, например, в ходе судебной коммуникации.

И, наконец, третий аргумент в пользу отказа от правового регулирования коммуникации, опосредующей правореализацию, а уж тем более коммуникации, лишь косвенно с ней связанной, состоит в оспаривании целесообразности ее правового регулирования в принципе. В этом смысле можно говорить о том, что юридическое нормирование человеческой деятельности имеет свои пределы, внутри которых субъект права свободен от нормативных указаний права (кстати, другие регуляторы, например мораль, религия, иногда корпоративные нормы, этими пределами не ограничены). И раз так, фактическое взаимодействие участников правоотношения праву безразлично, если и поскольку оно не имеет правовой формы выражения.

Однако эти аргументы справедливы лишь отчасти. Наверно, можно назвать неважными для правового регулирования купли-продажи подробности разговора покупателя с продавцом на рынке, в результате которого продавец сделал внушительную скидку, узнав, что продукты предназначены для благотворительной акции. Хотя и здесь, если это, например, окажется неправдой, при желании можно будет говорить об обмане или заблуждении с соответствующими последствиями для сделки.

Применительно к судебной коммуникации в принципе трудно говорить о каких-то неважных ее проявлениях хотя бы потому, что все они происходят уже внутри правоприменительного процесса. Инициировав судебное разбирательство, истец и ответчик (поскольку он решил защищаться от иска) принимают неизбежный факт того, что их дело перестало быть только их личным делом, оно теперь находится в объективе государства. В русском языке есть очень хорошее выражение: «предстать перед судом», которое означает в том числе «обнаружиться, раскрыться, проявиться»⁵, а если рассуждать дальше — позволить суду в целях разрешения спора посмотреть на твое дело и на тебя самого в полноте и во всех подробностях.

В этой же логике следует интерпретировать процессуальный термин «*рассмотрение дела*». И поскольку судопроизводство является деятельностью познавательной, причем часто с преодолением сопротивления участников процесса установлению истины по делу, для суда имеют значение не только документы и иные доказательства, которые представлены лицами, участвующими в деле, но и их, и не только их, поведение, слова, интонации и т.п. Так же и для участников процесса важна коммуникация с судом в смысле формирования у них итогового

⁵ URL: feb-web.ru ; URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 13.04.2023).

чувства удовлетворенности или неудовлетворенности состоявшимся судебным разбирательством. Причем этот второй аспект имеет большое значение не только для данного процесса, но в особой мере и для регулирования отношений более высокого порядка на уровне политики права и общей оценки легитимности судебной власти.

Таким образом, следует исходить из того, что судебная коммуникация, независимо от ее причастности к процессуальному правоотношению, имеет значение для достижения цели судопроизводства и должна быть предметом правового регулирования. И, раз уж это так, осозная ограниченность в этом смысле существующего, по сути, легистского подхода, необходимо решить вопрос о его дополнении новыми инструментами воздействия и контроля. О том, что судебная коммуникация не должна развиваться хаотично и бесконтрольно, наверно, не стоит и говорить.

Для нормирования судебной коммуникации может быть использован любой социальный регулятор, который хотя бы в какой-то мере определяет поведение субъектов и их решения в конкретной жизненной ситуации. Это и правовые средства (нормы права, принципы права, правовая культура, правосознание), и неправовые (корпоративные нормы, мораль, религия и обычаи). При этом важно подчеркнуть, что речь идет именно о нормировании, т.е. регулировании судебной коммуникации, а не об управлении ею. Управление судебной коммуникацией непосредственно в процессе — чрезвычайно важный аспект судопроизводства, но в рамках настоящей небольшой статьи он не исследуется.

Итак, о правовых средствах. Процессуальное право способно регулировать судебную коммуникацию. В общем, сама по себе процессуальная форма, как любой алгоритм, уже обладает определенной регулятивностью, которая достигается множеством факторов, среди которых главное место занимают, конечно, нормы права. Хотя норма права, как уже было сказано выше, не способна детально урегулировать, т.е. на 100 % предопределить поведение участников в конкретном процессе, она, безусловно, задает некие общие пределы такого поведения.

Например, ст. 158 ГПК РФ, посвященная порядку в судебном заседании, закрепляет традиционные судебные ритуалы (вставать при входе судьи, давать объяснения стоя, обращаться к суду «Уважаемый суд!») и предусматривает обязанность соблюдать установленный порядок в судебном заседании. Между тем в ГПК РФ нет норм, содержащих правила поведения в судебном заседании. Порядок в судебном заседании — это сложившаяся система поведенческих конвенций, принятых профессиональным сообществом юристов (включая судей, адвокатов, прокуроров), причем каждый судья сам определяет, какие из этих конвенций для него важны, а какие — нет. Поэтому судебные заседания у разных судей довольно заметно различаются. В данном случае мы имеем дело с регулированием коммуникации на уровне не столько правовых, сколько корпоративных норм юридического сообщества.

И именно этот примат корпоративного регулирования представляет опасность для процессов с непрофессиональными участниками, которые нормами судебной культуры не владеют. Понимая это, судьи на практике считают разумным не предъявлять к таким субъектам требования, обусловленные поведенческими конвенциями юридического сообщества, например, не требовать от них



соблюдения правил специального этикета, правильного обращения в процессе, внешнего вида или уж во всяком случае не слишком их за это журить. Однако подобные послабления нередко приводят к ведению процесса с позиции превосходства, которое обусловлено даже не судебной властью, а принадлежностью к сообществу.

В процессах, где участник-неюрист оказывается в этом смысле в оппозиции к судье, профессиональному представителю процессуального оппонента, представителю органа государственной власти и т.п., он нередко ощущает себя «недостойным» субъектом коммуникации, тем, кого слушают невнимательно и свысока, что создает заметный дисбаланс в объективных итогах процесса и их субъективной оценке. В результате, особенно в случае вынесения решения не в пользу такого непрофессионального участника, мы получаем в его лице не удовлетворенного судебным разбирательством, жаждущего до последнего добиваться справедливости в судах проверочных инстанций, а на самом деле просто желающего отмщения, «в одиночку сражавшегося против всех» человека. Как не вспомнить здесь «смешного» Карандышева драматурга А. Н. Островского и трагические последствия пережитого им унижения.

Подобные ситуации являются результатом в том числе недоработки законодателя, который столь скудной формулировкой, упомянутой ст. 158 ГПК РФ, не помогает создать у непрофессиональных участников процесса правильный образ судебного заседания и дать им возможность смоделировать собственное поведение в нем, адекватно подготовиться. Поэтому целесообразно дополнить существующее регулирование положениями о необходимости в начале судебного заседания *разъяснять* лицам, участвующим в деле, не только их процессуальные права и обязанности, но и порядок в судебном заседании даже на минимальном уровне правил об уважительном отношении к суду и участникам процесса, о недопущении оскорбительных действий и высказываний, о необходимости испрашивать разрешение суда на все действия и объяснения и т.п., а также предупреждать участников об ответственности за нарушение указанных правил.

Эффективным может быть также включение обозначенных формул порядка в судебном заседании, наряду с правами и обязанностями, в текст направляемого в адрес сторон определения о принятии искового заявления и подготовке дела к судебному разбирательству. В отсутствие соответствующего нормативного указания лишь некоторые судьи уделяют этому хотя бы сколько-нибудь внимания.

Принципы процесса, общеправовые и отраслевые, в сравнении с нормами обладают куда большими регулятивными возможностями в отношении судебной коммуникации. Высокая вариативность действий судьи и сторон в данном случае обусловлена тем, что принципы, не имея четкой нормативной структуры и существуя в основном как идея о должном, а не как его модель, применяются по большей части в контексте конкретного дела и правосознания конкретного правоприменителя.

Применительно к судебной коммуникации о принципах следует говорить в двух аспектах: во-первых, принципы обеспечивают работоспособность процессуальной формы и, соответственно, оказывают регулирующее воздействие на коммуникацию. Например, принцип раскрытия доказательств вынуждает стороны раскрывать доказательства на определенной стадии процесса, и они должны

это сделать, невзирая на возможное несоответствие избранной коммуникативной стратегии. Также запрет противоречивого поведения нередко оказывается неудобным для сторон в плане изменения правовой позиции и, соответственно, коммуникативного контура дела, учитывая, что процессуальный эстоппель, как отмечает О. Н. Шеменева, нередко проявляется и как бездействие сторон⁶.

Во-вторых, принципы являются индикатором, позволяющим обнаружить недостатки процессуального законодательства, затрудняющие ведение эффективной судебной коммуникации. Хорошая норма есть та, которая создает достаточные условия для суда и участников процесса посредством эффективной коммуникации, т.е. фактической реализации правовой нормы, правильно разрешить дело в соответствии с принципами процесса. Намеренно опускаю цели и задачи, связанные с защитой права, поскольку речь сейчас идет о самом механизме безотносительно ко многим позитивным эффектам от его надлежащего использования.

В качестве примера рассмотрим вопрос о реализации принципов равенства и равноправия в рамках упрощенных форм судопроизводства. Задумывался ли законодатель, когда внедрял эти формы, о людях, которые в силу объективных причин не способны вести письменную коммуникацию? Очевидно, нет, иначе они выглядели бы по-другому. Например, совершенно неясно, как в упрощенном или приказном производстве поучаствовать гражданам с ограниченными возможностями здоровья, например незрячим людям или людям с нарушением функций верхних конечностей, страдающим в тяжелой форме дислексией или дисграфией. Все они фактически лишены возможности полноценно взаимодействовать с судом, реализовывать свои процессуальные права и т.п. Действующий ГПК РФ не дает суду возможности в случае выявления подобных обстоятельств перейти к рассмотрению дела по общим правилам искового производства. В настоящее время ст. 232.2 ГПК РФ содержит исчерпывающий перечень оснований для перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства, и нужного среди них нет.

Судья, оказавшись в подобной ситуации коллизии нормы и принципа равенства, должен бы руководствоваться принципом, но в существующей парадигме этого, конечно, не произойдет. Конкретно эту проблему можно легко решить изменением формулировок закона, предоставив суду возможность переходить к рассмотрению дела по общим правилам искового производства, если рассмотрение дела в порядке упрощенного производства не позволит сторонам или одной из них, вследствие ограничений здоровья или иных признанных судом существенными обстоятельств, осуществлять свои процессуальные права и вести равную судебную коммуникацию. Если смотреть более широко, то законодательство, принятое без учета возможностей равной судебной коммуникации для всех, является дискриминационным. И пока так, необходимо, чтобы судьи проявляли сообразную их высокому статусу смелость осуществлять правосудие даже вопреки существующим нормам права, не делая это, разумеется, обычной практикой.

⁶ Шеменева О. Н. Принцип эстоппель и требование добросовестности при осуществлении доказательственной деятельности по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 343—353.



Два следующих правовых средства, которые можно задействовать для регулирования судебной коммуникации, — правовую культуру и правосознание, ввиду их тесной взаимосвязи можно рассмотреть совместно. Говоря о регулирующих свойствах индивидуального правосознания, прежде всего следует сконцентрироваться на его влиянии на внутренние побудительные мотивы человека. Представление человека о юридически должном и соответствующая ему мысленная модель развития отношения, безусловно, во многом определяют поведение, в том числе в суде. Например, человек не лжет в суде из страха уголовно-правовых последствий, которые, как известно, для стороны по делу не предусмотрены. В этом случае его поведение определяется индивидуальным, пусть и основанным на незнании закона, правосознанием.

Правовая культура воздействует на коммуникантов похожим образом, формируя некую общественную реальность, основанную на отношении к праву, к правоприменению, в том числе связанную с совокупным опытом правового поведения, отражая во многом общественные настроения в определенный момент истории. Конечно, правовая культура и самостоятельно, и в силу влияния на правосознание в определенной степени регулирует поведение субъектов в суде. Однако надо признать, что и правосознание, и правовая культура, являясь регуляторами более высокого порядка, довольно трудно поддаются ручному управлению и переориентировать их с учетом новых потребностей процесса, даже осознанных политической права, будет довольно нелегко, хотя и возможно при верном целеполагании.

Каждый из названных правовых инструментов (нормы, принципы, правосознание, правовая культура) может и должен быть задействован в регулировании судебной коммуникации, но для того, чтобы это регулирование было эффективным, необходима серьезная теоретическая основа. Только через научное осмысление и объяснение коммуникативных процессов в суде, через выявление их взаимопроникновения с конструкцией процессуального правоотношения можно прийти к пониманию того, как это правовое регулирование следует осуществлять.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Афанасьев С. Ф.* К вопросу о законодательном регулировании искусственного интеллекта // Российская юстиция. — 2020. — № 7. — С. 46—49.
2. *Лукьянова И. Н.* Право быть выслушанным и услышанным в первой и проверочных инстанциях гражданского судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2022. — № 9. — С. 50—55.
3. *Сухорукова О. А.* Эффективность гражданского судопроизводства: коммуникативный аспект. — М. : Юрайт, 2019. — 149 с.
4. *Шеменева О. Н.* Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. — М. : Инфотропик Медиа, 2017. — 312 с.
5. *Шеменева О. Н.* Принцип эстоппель и требование добросовестности при осуществлении доказательственной деятельности по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. — 2019. — № 1. — С. 343—353.